

Р. КОЛЛИНЗ

СЕТИ СКВОЗЬ ПОКОЛЕНИЯ: ПОЧЕМУ ЛИЧНЫЕ СВЯЗИ ФИЛОСОФОВ ВАЖНЫ ДЛЯ ИХ ТВОРЧЕСТВА

Высокий уровень интеллектуального творчества — явление редкое. То, что это так, — следствие структурных условий, а не индивидуальных обстоятельств. По известному выражению, философские направления — это протянувшиеся во времени тени великих личностей. Но усилия психологов выявить условия, вызывающие появление великих личностей, не привели к сколь-нибудь определенным результатам.

Сочетание конкретных обстоятельств — таких, как порядок рождения в семье, удаленность от отца, стремление к любви, физическая неуклюжесть (см. об этом в работах Sulloway, 1996; Scharfstein, 1980), — конечно же, встречается гораздо чаще, чем выдающиеся творческие мыслители. Недостаточно также родиться в мирное время, когда интеллектуальная деятельность пользуется поддержкой, или получить опыт пребывания в других условиях, значимых для самоактуализации (что показано в работах Simonton, 1976; Кюо, 1986, 1988; Maslow, 1970). Тот факт, что высокий уровень творчества встречается редко, говорит также об ограниченности его любого экстерналистского объяснения условиями окружающего общества; «дух времени» (Zeitgeist), политические и материальные обстоятельства влияют на каждого, но эти объяснения не позволяют понять, почему творческих деятелей так мало.

Редкость выдающихся творцов

Прежде всего посмотрим, насколько часто появлялись выдающиеся философы в Китае, а также в Древней Греции и Древнем Риме. Будем считать, что уровень значимости философа выражается во внимании, уделяемом ему последующими историками философии. Рис. 1 и 2 представляют сегменты сетей, которые соединяют таких философов между собой. <...> На этих схемах имена первостепенных (major) философов даны заглавными буквами (например, МЭН-ЦЗЫ, ЧЖУАН-ЦЗЫ, СОКРАТ, ЭПИКУР), имена философов второго ряда или второстепенных (secondary) — строчными буквами с первой заглавной (Гао-цзы, Хань Фэй-цзы, Антисфен, Спевсипп). Третьесте-

---

Коллинз Рэндалл (Randall Collins) — профессор Пенсильванского университета в Филадельфии.

Редакция признательна «Рэндалл Коллинз Центру» при Новосибирском госуниверситете за возможность опубликовать фрагмент русского перевода книги «Социология философий: глобальная теория интеллектуальных изменений», который готовится к печати. Настоящая публикация включает фрагменты главы 2 «Сети сквозь поколения»; авторские примечания и список литературы оформлены в таком виде, в каком они представлены в оригинальном издании. Перевод с английского выполнен доктором философских наук, профессором Н.С. Розовым.

пенные (minor) мыслители обозначены номерами, ключ к которым дан в Приложении 3 к книге [1]¹.

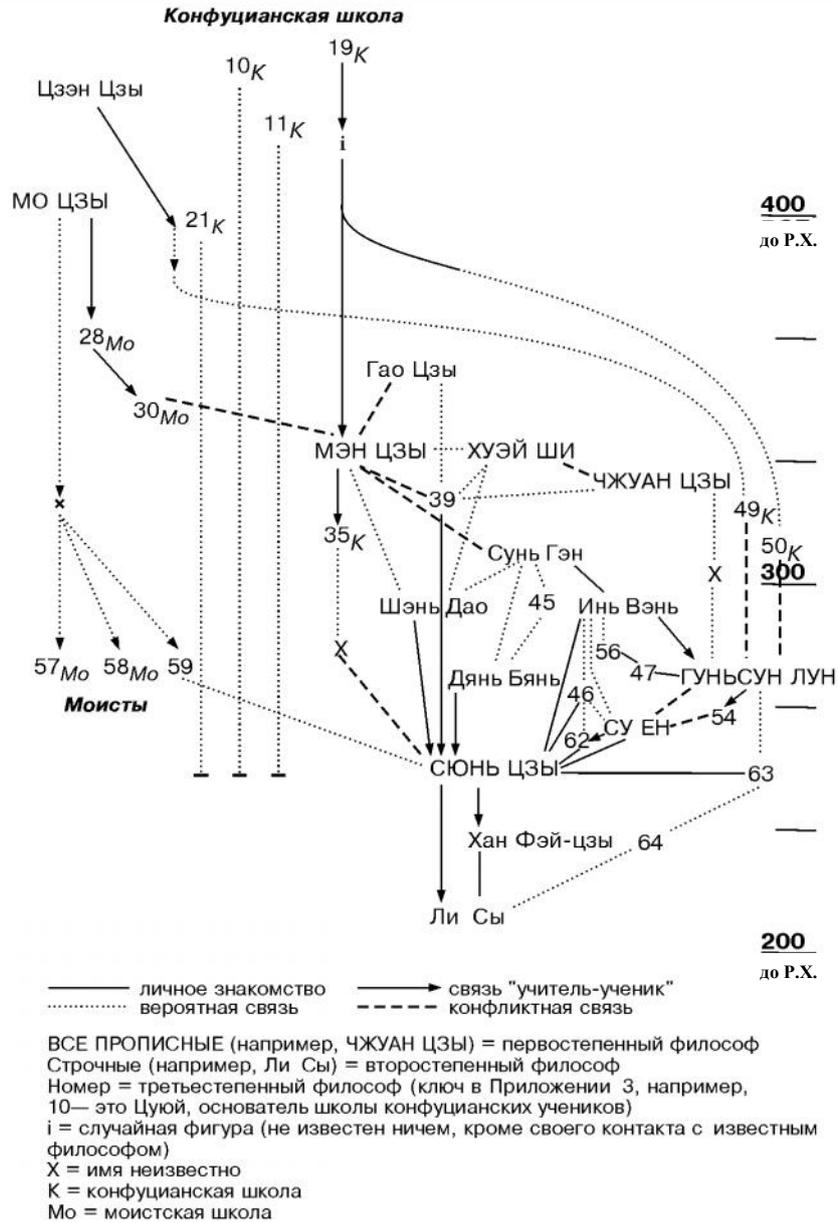

Рис. 1. Сеть китайских философов, 400 — 200 гг. до н. э.

¹ Имеется в виду Приложение 3 к книге «Социология философий» (в настоящую публикацию Приложение 3 не включено). — Прим. ред.

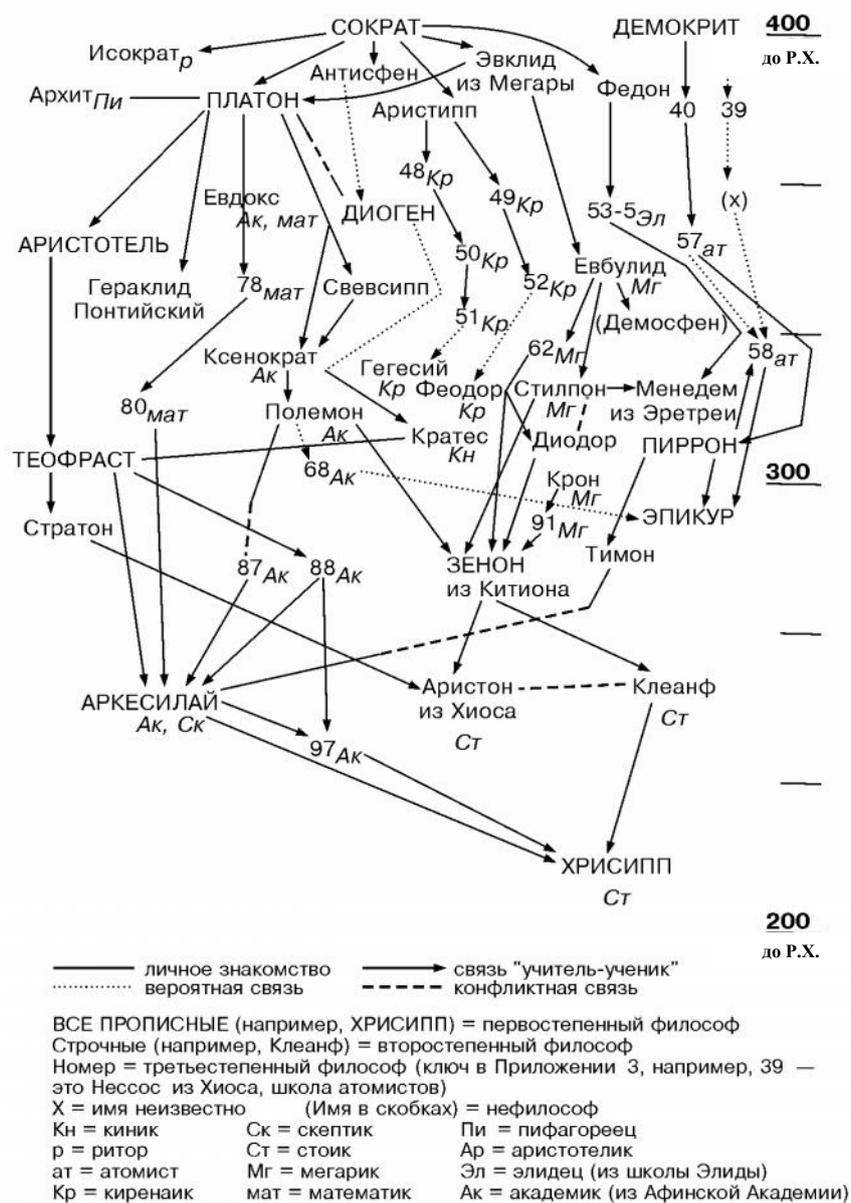

Рис. 2. Сеть греческих философов от Сократа до Хрисиппа

Оставим пока в стороне проблему «меняющейся каноничности» и того, можем ли мы различить «репутацию» и «творчество». Это не влияет на центральный момент, с которого должен начаться наш анализ: творческие философы нечасто появляются на всем протяжении истории, даже при самом мягком критерии оценки творчества.

Рассмотрим всех философов, которые могут считаться «первостепенными», а также тех, кого можно назвать философами второго ряда или «второстепенными». Наша последовательность для китайских философов простирается на 2100 лет, или 63 поколения; последовательность для греческих философов покрывает 1200 лет, или 36 поколений [2]. В расчете на всю временную протяженность первостепенные философы появляются примерно один на каждое поколение в Греции и один на каждые два поколения в Китае. Второстепенные философы появляются несколько чаще, но не намного: в Китае в среднем по одному на поколение, в Греции — по два на поколение. Даже третьестепенные мыслители не появляются в сколько-нибудь значительных количествах; таковых в среднем шесть или семь на протяжении жизни одного поколения:

Китай

2100 лет	63 поколения	
25 первостепенных	0,4 на поколение	1 на 84 года
61 второстепенных	1,0 на поколение	1 на 34 года
356 третьестепенных	5,7 на поколение	1 на 6 лет

Греция

1200 лет	36 поколений	
28 первостепенных	0,8 на поколение	1 на 43 года
68 второстепенных	1,9 на поколение	1 на 18 лет
237 третьестепенных	6,6 на поколение	1 на 5 лет

<...>

О ком будут помнить?

К подсчету, приведенному выше, можно было бы отнести как к основанному лишь на субъективных оценках творческой значимости, для которых характерно произвольное навязывание исторически ситуативного стандарта, меняющегося от одной эпохи к другой. Но к таким вычислениям нельзя подходить легкомысленно, ограничиваясь представлением только числовых результатов, поскольку каждое измерение определяется смыслом того, что именно измеряется. При структурировании данной темы вопросы метода являются вопросами теории.

Действительно, каноны исторически ситуативны; но давайте попытаемся осознать все скрытые здесь смыслы. Мы не можем апеллировать к какому-либо собранию «достойных», но неизвестных мыслителей, находящихся в тени на протяжении всей истории, но столь же «творческих», как и фигуры с прославленными именами, как если бы существовала некая трансисторическая сфера, в которой измерялись бы достижения этих неизвестных «достойных» мыслителей. Идеи являются творческими, поскольку они удерживают интерес других людей. Само понятие творчества предполагает суждение одного поколения о другом. Должны ли мы говорить, что исследуем не творчество, а репутацию? Это различие появляется из нашего стремления героизировать, реифицировать индивида вне окружающего контекста. Хотя, казалось бы, это противоречит нашей интуиции, согласно которой причины должны предшествовать тому, что мы пытаемся объяснить, «креативность» конкретного философа не определена до тех пор, пока не прошло несколько поколений, ибо все зависит от того, насколько остро направлен фокус вни-

мания на мысли индивида в долговременной структуре передающих идеи сетей.

Мой социологический критерий креативности — дистанция между поколениями, на которую передаются идеи. Я ранжировал философов Китая и Греции на основе того, сколько страниц им посвящено в различных изложениях истории философии. Мои рейтинги основываются на объединении рейтингов из всех источников [3]. Читатель может воспроизвести анализ и перераспределить границы между рангами; но я сомневаюсь, что это существенно изменит нашу картину структурных паттернов в данных сетях.

В источниках, наиболее близких к древним философам, также предпринимались попытки исторически судить о том, какие идеи пользуются влиянием и стоят того, чтобы о них помнили и за них боролись. Современные изложения истории китайской философии в конечном счете основываются на таких древних источниках, как труд раннего историка Сыма Тань (ок. 120 г. до н. э.), на критике Мэн-цзы, Сунь-цзы, Ханем Фэй-цзы современных им школ, а также на книге «Чжуан-цзы». Современные изложения истории философии, как и предшествующие им труды, часто включают целые пассажи из этих древних источников, и уделяемое им внимание пропорционально той доли внимания, которую ранние философы получали от ближайших им по времени последующих философов. Мы не можем выпрыгнуть из истории. Однако это не является ограничением для нашего понимания интеллектуального творчества; такова уж его природа. Интеллектуальное величие человека — это воздействие его идей на ход интеллектуальной истории, влияние на последующие поколения.

В моем ранжировании величие основано на степени интереса, проявляемого к философу другими мыслителями по прошествии длительных периодов времени. Каноны действительно меняются, но только среди тех фигур, которые вышли на первый план в длительной последовательности формирования репутаций. Первый порог — это та репутация, которая складывается на протяжении одного или двух поколений. По этой причине не так-то просто распознать уровень структурной креативности среди своих современников. Платон во время своей жизни был известен не больше, а возможно даже меньше, чем другие выходцы из кружка Сократа, такие, как Аристипп, основатель школы киренаиков, или Антисфен, зачинатель движения социального протеста, позже ставшего направлением киников. Аристотель в течение своей жизни наделал больше шума; говорилось, что, возвращаясь из Афин с известием о триумфальной победе своего юного покровителя Александра Великого, Аристотель был в золотой короне и кольцах, и его несли на кресле, подобном трону. И все же Аристотелю пришлось спасать свою жизнь бегством, когда в 323 г. Александр умер [Grayeff, 1974, p.44-45] <...>.

Доля реализма, присущая оценке в такой долгосрочной перспективе, является благотворным (хотя и неприятным) лекарством от нашего собственного эгоцентризма и от того, который мы приписываем нашим идеальным героям, тем редким «гениям» прошлых поколений, которые являются образцами в нашем внутреннем воображении. Интеллектуалы совершают свои прорывы, изменяющие ход течения идей, благодаря тому, что используют тот культурный капитал и ту эмоциональную энергию, которые приходят к ним из прошлого, перераспределяясь в поле напряжений среди их со-

временников. Достоинство их вклада, его «подлинная ценность» и «социальное воздействие» зависят от того, как развивается эта структура после их смерти. Мы, интеллектуалы, — настоящие водовороты в реке времени, причем, возможно, в большей степени, чем другие люди, потому что наше дело — устанавливать связь между поколениями.

Таким образом, креативность — дело длительное. Поясним, что это означает. Минимальная единица интеллектуального изменения — это поколение, примерно тридцать три года. По крайней мере, столько времени необходимо для того, чтобы в философских предпосылках произошло значительное изменение; а чтобы увидеть, имеет ли это изменение структурное влияние на то, чем позднее могут заниматься интеллектуалы, требуются еще одно или два поколения. Социологи могут убедиться в этом на их собственной дисциплине: нам ясно, кого отнести к классиком социологии примерно в 1900—1930-е гг. (Вебер, Дюркгейм, Мид, Зиммель), но поколение, следовавшее непосредственно за ними, находилось как раз в процессе отсеивания этих имен из большей совокупности [4]; в течение жизни и сразу после смерти репутации этих классиков социологии колебались и были подчас более локальными и менее значительными. Творческая работа, которая привлекает внимание в течение 5 или даже 10, 20 лет, наименее устойчива: слишком мал этот срок, чтобы она могла быть оценена в долговременной перспективе интеллектуальной истории. Чтобы понять масштабность процессов, о которых идет речь, можно попытаться измерить, сколько места «постмодернистские» философы, наделавшие столько шуму в 1980-е гг., займут в историях философии, которые будут написаны через два столетия, или хотя бы через два поколения от настоящего времени. Разумеется, то же самое справедливо для сегодняшних фигурантов будущих историй социологии и любой другой дисциплины. Социологический подход заключается в том, чтобы видеть отношение между человеческим авангардом любого конкретного поколения (и, конечно же, еще более краткими периодами в несколько лет или десятилетий, которые составляют фокус внимания непосредственных интеллектуальных проектов) и гораздо более безличной, жестко структурированной последовательностью поколений, являющейся царством креативности, которую мы называем исторически «великой».

Каков вклад третьестепенных философов?

Такая точка зрения может оставить нас в раздражающем сомнении. Не имеем ли мы дело всего лишь со славой, а не с самим творчеством? Разве нельзя допустить, что существовало множество творческих личностей, погребенных в безвестности, но их достижения просто не были оценены по заслугам? Это представление весьма внятно, потому что поддерживает большинство из нас, интеллектуалов, редко получающих то признание, которое, как нам кажется, мы заслуживаем. Подобно мифу о воскрешении, оно дает надежду на то, что после нашей смерти нас когда-нибудь «откроют». Но давайте рассмотрим этот вопрос внимательнее.

Примеры известной нам посмертной славы никогда не являются историями типа «из грязи — в князи». Наиболее важный случай в западной философии — это Спиноза. Популярность пришла к нему через 100 лет после смерти, когда он стал фаворитом одной из фракций в противоборствах меж-

ду идеалистами времен Канта. Но Спиноза был все-таки известен и во время своей жизни; его слава возникла не на пустом месте, раз его посещал Лейбниц, да еще и заимствовал у него идеи. Спиноза начинал в картезианской сети в непосредственной близости от ее наиболее активного центра. Ницше боролся в безвестности 20 лет, прежде чем стать знаменитым в последние годы своего сумасшествия. Шопенгауэр ждал еще дольше: слава пришла к нему только в глубокой старости, и зенит ее пришелся на время после его смерти. Но и Ницше, и Шопенгауэр с ранних лет были связаны с главными интеллектуальными сетями, а их конфликты с соотечественниками отнюдь не противоречат обычной динамике творческих сетевых контактов. Оба были весьма плодовиты в публикациях, а это прямо коррелирует с творческой значительностью [Price, 1986; Simonton, 1988]; они обладали эмоциональной энергией и культурным капиталом, что характерно для творческого успеха. Открытия заново «забытых работ» были бы вообще невозможны, если бы авторы не имели с сетями интеллектуального мира той связи, благодаря которой их работы могли бы быть востребованы. А это значит, что такие связи интеллектуалы должны установить во время своей жизни, ибо после смерти их труды никогда за них этого не сделают.

Ну а что сказать о творческой работе, которая попросту погребена навечно? Здесь важно знать, что отличает интеллектуальную жизнь тех, кто далек от сетевого центра. Чем больше мы отдаляемся от главных фигур на сетевой карте, тем более характерным для философов становится развитие идей лидера по своей линии преемственности, добавление критических замечаний, интерпретаций и комментариев. <...>

На самом деле, здесь нет никаких погребенных сокровищ; возможно, мы и нашли бы в таких трудах подлинные сокровища, если бы подвергли их переоценке, но в них ничего нет. Можно ли тогда говорить о том, что на уровне третьестепенных фигур сокрыто некое тайное творчество? Учтем, что они являются типичными эпигонами — лояльными, обученными, возможно, настроенными полемически против оппонентов. Чего не хватает третьестепенным мыслителям, так это оригинальности и глубины. Кстати, совсем не обязательно, чтобы третьестепенные фигуры были малоизвестны во время своей жизни. <...>

Возможно, самая удаленная окраина интеллектуального мира, которую мы можем познать исторически, состоит из лиц, не снискавших вообще никакой известности — ни во время своей жизни, ни даже благодаря случайным связям со знаменитостями. Такого рода личности изображены в исторических бытописательских сочинениях и иногда попадают в поле зрения таких историков, как Элизабет Роусон [Rawson, 1985, p. 49]. В своем исследовании она хотела показать привычки чтения обыкновенных жителей провинции, в данном случае — землевладельцев в сельской местности Римской империи ок. 50 г. до н. э. Случайная выборка позволяет сделать вывод, что существовало довольно много живших в разных местах людей, которые не только читали, но и развивали идеи эпикурейцев и стоиков. Ясно, что в этом случае мы оказываемся на периферии интеллектуального мира, — не только потому, что эти идеи стары, но еще и потому, что они искажены. Такие люди отличаются даже от тех наших «третьестепенных» философов, которые все же обладали некоторым весом в интеллектуальных сетях своего времени.

Впрочем, об этой периферии полезно знать, чтобы трезво оценивать реальность, а также потому, что это знание помогает нам понять наше собственное положение. Горизонтальное измерение интеллектуальных структур почти не меняется в течение столетий; мы ведь тоже живем в массе читателей и тех, кто претендует на звание писателя, размышляем о старых идеях, не осознавая того, что делаем, и мечтаем при этом об интеллектуальной славе. Творческие эпохи бывают реже, чем эпохи рутинного мышления; и даже в лучшие времена внутренние круги интеллектуального мира окружены следующими одна за другой перифериями, где и находится большинство из нас [5].

Структурная модель интеллектуальной жизни: долговременные цепи в Китае и Греции

Об интеллектуальной истории принято писать в терминах «школ». В текстах, восходящих к эпохе Воюющих царств в древнем Китае (до 220 г. до н. э.) говорилось, правда несколько риторически, о «ста школах» *chia* (см., например, *Чжуан-цзы*, глава 33). Диоген Лаэртский (ок. 200 г. н. э.) группировал биографии философов в ионийскую и италийскую школы или «ряды преемственности». Однако под «школой» могут подразумеваться, по крайней мере, четыре различные вещи.

«Школа» в широком смысле означает, что некоторые люди разделяют сходный образ мысли. Здесь не подразумевается какой-либо социальной организации. Так, около 100 г. до н. э. официальный историк династии Хань Сыма Тань впервые сгруппировал ранних китайских философов в шесть «школ». Среди них была и «даосская школа», поскольку ее тексты напоминали книгу «Дао дэ цзин». Но в предыдущие столетия термин «*дао*» использовался представителями многих интеллектуальных лагерей, а строго организованной даосской религии еще предстояло появиться через несколько веков. Подобные «школы мысли» не имеют значения, если не основываются на каких-то осязаемых структурах.

Понятие школы в более строгом значении предполагает доказательство интеллектуального влияния среди ее членов. Этим в основном и занимаются исследователи интеллектуальной истории. Тем не менее я не буду проследивать образование такого рода «школ».

Конечно, интеллектуальное влияние важно, но оно не объясняет причины того, почему лишь немногие из тех, кто мог прочесть или услышать о какой-либо идее, приобретают интеллектуальную значимость, трансформируя свой культурный капитал в новом направлении. Взятое само по себе, проследивание «влияний» подразумевает бесконечный регресс, в котором идеи любого мыслителя всегда могут быть рассмотрены как следствия более ранних влияний. Но канал, несущий энергию интеллектуального творчества, представляет собой нечто большее, чем просто идеи, парящие в атмосфере влияния, даже если мы можем точно констатировать факт влияния, указав на наличие соответствующего текста в личной библиотеке конкретного мыслителя. Главным каналом является личный контакт при встрече лицом к лицу. Далее я хочу показать, что два других типа «школ» или «кружков» имеют наибольшее значение.

Один из них характеризуется тем, что включает цепи личных отношений, среди которых наиболее важными являются отношения между учителя-

ми и их учениками; наряду с этими вертикальными связями имеют место и горизонтальные личные контакты между представителями одного поколения.

Для другого типа специфично то, что «школа» представляет собой в буквальном смысле организацию — то есть место, где происходит обучение, — а руководство и собственность переходят к следующим поколениям через открытую преемственность, как в Платоновой Академии, Ликее Аристотеля, или неоконфуцианской Академии Долины Белого Оленя, основанной Чжу Си. Здесь доктрина является частью организационной собственности школы и символом ее социальной идентичности.

Рисунки 1 и 2 иллюстрируют третий тип школы — цепочки личных отношений. На них легко узнать и четвертый тип — формально организованные школы [6].

Что показывают китайские и греческие сетевые схемы? Первое, что поражает, — то, насколько представленные в них философы, особенно первостепенные (с именами, набранными целиком заглавными буквами), связаны с другими философами. Эти связи являются одновременно и вертикальными (цепочки «учитель—ученик», пересекающие поколения), и горизонтальными (знакомства между ровесниками). У наиболее важных фигур такие связи есть на всех выделенных нами уровнях; «звезды» связаны не только с большим числом первостепенных и второстепенных философов, чем кто бы то ни был, но также и с меньшими, третьестепенными, фигурами [7].

Самые выдающиеся философы не являются организационно изолированными, они — звенья в цепочках учителей и учеников, которые также являются известными философами либо членами кружков видных интеллектуалов-современников. Как правило, самые выдающиеся философы — ученики других выдающихся философов. В дополнение к этой вертикальной организации социальных сетей, пересекающих разные поколения, творческие интеллектуалы обычно включены в группы интеллектуально равных, причем такие группы могут быть кружками союзников или состоять из соперников и оппонентов.

В случае Греции я разделил философов на доминирующих (dominant)², первостепенных (major), второстепенных (secondary) и третьестепенных (minor). Сетевые связи просчитаны как «назад» (к прямым и опосредованным предшественникам), так и «вперед» (к ученикам) [8]. Мы назвали их, соответственно, «восходящей» и «нисходящей» сторонами сетей и получили следующее распределение:

Греческие философы	Восходящие связи	Нисходящие связи
Доминирующие (8)	3,8	4,0
Первостепенные (20)	2,0	2,2
Второстепенные (68)	1,3	1,0
Третьестепенные (237)	0,7	0,4

У доминирующих философов, по сравнению с первостепенными, в среднем, намного больше старших коллег и ровесников, обладающих интеллектуальной значительностью, и эта тенденция сохраняется по мере сниже-

² Автор называет доминирующих философов также «звездами» (stars) — Прим. пер.

ния уровня. Различия возрастают при анализе сетевых «выходов» (связей с учениками и младшими коллегами). Более того, если мы исследуем данную сеть на предмет значимости тех интеллектуалов, с которыми связан каждый философ, то мы увидим, что более именитые философы, как правило, сами связаны с *другими философами высокого уровня значимости*. Из 28 доминирующих и первостепенных философов 18 (64%) связаны личным контактом с другими философами той же значимости, по сравнению с 33 из 68 (49%) второстепенных философов, связанных так с коллегами своего уровня. Вообще, чем выше степень значимости, тем больше связей: Сократ прямо связан с 3-мя другими первостепенными философами и с 11-ю второстепенными; Платон связан с 3-мя первостепенными и 6-ю второстепенными философами.

Взаимосвязи между китайскими философами позволяют выявить сходную структуру:

Китайские философы	Восходящие связи	Нисходящие связи
Доминирующие (9)	4,7	6,0
Первостепенные (16)	2,4	1,6
Второстепенные (61)	1,5	1,0
Третьестепенные (356)	1,0	0,4

У философов, доминировавших на протяжении длительных периодов интеллектуальной жизни, опять-таки значительно больше связей как с предшественниками, так и с последователями. Еще раз подчеркнем: здесь мы рассматриваем только их непосредственные контакты — с философами их собственного поколения и с теми, кто принадлежал к предыдущему и следующему поколениям. Если же мы исследуем целую цепочку, восходящую назад во времени, то увидим: чем более значителен философ, тем более значимы его контакты в последовательных звеньях этой цепочки:

Китай: доминирующие философы (9):	2 шага	4 шага
Количество первостепенных или доминирующих философов в восходящей линии	2,1	3,3
Количество второстепенных философов в восходящей линии	1,9	3,0
Обе группы в восходящей линии	4,0	6,3
Китай: первостепенные философы (16)	2 шага	4 шага
Первостепенные или доминирующие философы в восходящей линии	0,8	1,4
Второстепенные философы в восходящей линии	1,6	2,5
Обе группы в восходящей линии	2,4	3,9
Китай: второстепенные философы (61):	2 шага	4 шага
Первостепенные или доминирующие философы в восходящей линии	0,6	1,0
Второстепенные философы в восходящей линии	1,0	1,7
Обе группы в восходящей линии	1,6	2,7

Два шага в цепочке связей покрывают обычно ровесников философа и поколение его учителей (хотя в плотных сетях могут быть цепочки из двух и более горизонтальных связей). Четыре шага открывают возможности для более сложных цепочек [9]. На рис. 1 Гунсунь Лун связан с Мэн-цзы в предыдущем поколении через несколько посредников; а сам Мэн-цзы связан с Мо-цзы, жившим 3 поколениями раньше.

В среднем «звезды» китайской философии соседствуют в двух сетевых шагах с 2 первостепенными и 2 второстепенными философами. При расширении круга до 4 шагов к предыдущим и последующим поколениям каждый философ был обычно связан с более чем шестью другими выдающимися мыслителями. Те первостепенные философы, которые не являются доминирующими, в гораздо меньшей степени связаны с другими первостепенными философами: у них в среднем чуть меньше одной связи в рамках двух шагов и чуть больше одной связи в рамках четырех шагов. При этом они связаны со второстепенными философами почти так же тесно, как и «звезды». Второстепенные философы имеют еще более скромные восходящие связи, но все же они богаче, чем у третьестепенных философов.

У греков наблюдается во многом та же самая картина:

Греция: доминирующие философы (8):	2 шага	4 шага
Количество первостепенных или доминирующих философов в восходящей линии	1,8	3,9
Количество второстепенных философов в восходящей линии	4,1	8,3
Обе группы в восходящей линии	5,9	12,1
Греция: первостепенные философы (20):	2 шага	4 шага
Первостепенные или доминирующие философы в восходящей линии	0,9	2,2
Второстепенные философы в восходящей линии	1,0	2,7
Обе группы в восходящей линии	1,9	4,9
Греция: второстепенные философы (68):	2 шага	4 шага
Первостепенные или доминирующие философы в восходящей линии	0,7	1,6
Второстепенные философы в восходящей линии	1,5	2,9
Обе группы в восходящей линии	2,2	4,5

Непосредственное сетевое соседство самых выдающихся греческих философов во многом сходно с сетевым соседством крупнейших китайских философов. Для греков характерно даже большее количество связей со второстепенными фигурами, чем у китайцев, так что на расстоянии четырех шагов по восходящей линии они связаны в среднем с двенадцатью выдающимися философами. У первостепенных философов (не «звезд») и в Греции, и в Китае примерно те же виды связей. При этом необходимо отметить, что у греческих второстепенных философов связи существенно теснее при углублении в сеть на четыре шага, чем у второстепенных философов-китайцев. Фактически, у греческих второстепенных философов примерно столько же

глубоких связей, сколько и у первостепенных философов. Причиной этого является то, что многие из второстепенных греческих философов располагаются по нисходящим линиям в непосредственной близости от доминирующих мыслителей с их богатыми связями. Второстепенные же фигуры — такие, как Кратес Киник, Спевсипп или Антисфен — выигрывают от включения в линии перед Платоном или Сократом. Высокая плотность, характерная для греческих философских сетей в нескольких периодах, в Китае достигается лишь частично во время Академии Чжу Си и группы «Сокровенного знания», линий преемственности братьев Чэн и других неоконфуцианцев.

Результатом такой сохраняющейся на протяжении поколений плотности является то, что выдающиеся греческие философы наследуют интеллектуальный капитал и побуждающую к творчеству энергию от очень большого опосредованного сообщества. Платон находится на расстоянии двух связей от Горгия и четырех — от Протагора, Эмпедокла, Парменида и Пифагора. Эпикур — в четырех связях от Демокрита, но также и от Сократа. Аркесилай, скептик и реформатор Академии, находится на расстоянии двух связей и от Аристотеля, и от Зенона Стоика, а также в четырех связях от Сократа. Густая сеть Аристотеля включает 6 первостепенных и 12 второстепенных философов. Такая же сеть у Хрисиппа, этого наиболее утонченного из стоиков: она включает 4 первостепенных и 10 второстепенных философов. Как видим, слава плодит славу, и чем плотнее сеть, тем лучше.

Важность личных связей

Что означает тот факт, что у именитых философов больше всего вертикальных и горизонтальных связей, особенно с другими именитыми философами? Здесь можно подозревать действие каких-то методологических артефактов. Возможно, мы знаем о большем количестве связей первостепенных философов с третьестепенными просто потому, что о первых сохранилось больше информации, включающей имена их учеников и ровесников. Но вспомним, что «третьестепенные» фигуры были в свое время, как правило, довольно известными персонами с репутацией самостоятельных мыслителей, хотя и местного значения. Философы, о которых мы знаем только потому, что они упомянуты в связи с другими философами, являются не «третьестепенными», но случайными фигурами. Последние же составляют отдельную категорию, которая здесь не рассматривается.

Более основательно следующее предположение: то, что мы считаем творческой значительностью философов, — просто результат наличия у них большого числа личных последователей, которые ретроспективно делают своих учителей знаменитыми. Не является ли тавтологией, когда значительность философов определяется через их тесную связь с интеллектуальным сообществом, а затем утверждается, что причина этой значительности состоит в этих связях? Ответом на такое возражение будет «нет». На самом деле, здесь меньше круговой взаимосвязи, чем кажется. Можно показать, что данная модель не просто обусловлена нашими же скрытыми определениями.

Во-первых, имеются эмпирические исключения. В греко-римском мире знаменитыми философами, стоящими вне цепочек выдающихся последователей, были Гераклит, Филон Александрийский и скептик Энесидем. В Китае первостепенными философами-одиночками были анонимный автор «Дао

дэ цзин», Дун Чжуншу, философ династии Хань, среди второстепенных фигур — ранние «легистские» политики Шэнь Бухай и Шан Ян (расцвет у обоих ок. 350 г. до н. э.), а также Ван Чун, рационалист династии Хань. Более того, существует достаточно большое число случаев творчества «на закате дней», когда самые значительные достижения делаются в конце линии преемственности при отсутствии даже второстепенных учеников, которые могли бы ее продолжить. В греко-римском мире первый такого рода пример являет собой Августин; в исламском — Авиценна (Ибн Сина, расцвет ок. 1120 г.). Гегель, переоценивавший значимость принципа: «Сова Минервы вылетает в сумерки», очевидно, думал, что его собственная философия — лишь подтверждение этого принципа, но ученики Гегеля показали неправоту учителя.

Кроме того, можно указать на такие исторические прецеденты, когда выдающиеся философы не являются современниками, лично не связаны в цепочки, не являются членами одних и тех же организаций, не концентрируются в одних местах. Тот факт, что такие структуры установлены эмпирически, говорит о том, что дело здесь не в концептуальной тавтологии [10].

Я утверждал, что репутация в некотором смысле не отличима от творчества. То, что мы считаем интеллектуальным величием, состоит в производстве идей, влияющих на последующие поколения, которые либо повторяют их, либо развивают, либо выступают против них. Из данного определения не следует, что великий мыслитель — тот, у кого есть личная сеть выдающихся последователей. Гипотетически, чьи-либо идеи могут повлиять на более поздние поколения без передачи в личной форме. Сказав это, я бы добавил, что в принципе можно определить, удавались ли некоторые индивиды большего ретроспективного признания, чем они заслуживают, в том смысле, что они на самом деле не производили те идеи, которые им позднее приписывались <...>

Мы можем также поставить под вопрос значимость горизонтальных связей между первостепенными философами. Например, тот факт, что Сократ или Цицерон знали в свое время практически всех, можно расценить как тривиальное обстоятельство, сравнив его с клубным объединением достигших известности людей, подобным современному, когда кинозвезд и прочих знаменитостей приглашают в одно и то же место для встреч друг с другом, независимо от того, как удалось каждому из них прославиться. Но давайте проанализируем эту возможность.

Во многих случаях контакты «по горизонтали» что-то давали философам, ибо они предшествовали их последующим творческим результатам. Так было и с Цицероном, и с Сократом: оба имели много встреч в юности. По отношению к большей части философов я бы утверждал, что контакты между первостепенными персонами — это не просто феномен «клубного объединения» («clubbing together» phenomenon); горизонтальные связи действительно существенны. Но дело здесь, строго говоря, не во «влиянии» в общепринятом смысле, когда один человек передает идеи другому. Со всей очевидностью это проявляется там, где люди находятся в близком контакте задолго до того, как кто-то из них становится творческой личностью [11]. Я полагаю, что существуют три взаимоперекрывающихся, но аналитически различных процесса, которые проявляются через личные контакты. Первый

из них — это передача культурного капитала, идей и смысла того, что с ними делать; второй процесс состоит в передаче эмоциональной энергии — и от случаев предыдущего успеха, и от сосредоточения энергии в «котле» группы; третий включает передачу некоего структурного чувства интеллектуальных возможностей, особенно в плане соперничества.

Эти процессы действуют во всех типах личных контактов — как в вертикальных цепочках учителей и учеников, так и в горизонтальных контактах между ровесниками. Рассмотрим такой вопрос: почему вертикальные связи являются преобладающими и почему они коррелируют со степенью значительности? Можно было бы ответить, что по звеньям этих цепочек передается интеллектуальный капитал: Аристотель — первостепенный философ, потому что получил хорошее образование от Платона, который, в свою очередь, получил хорошее образование благодаря своим контактам с Сократом, Архимедом, Евклидом из Мегары и другими. Это, конечно, не вся история, поскольку выдающиеся фигуры молодого поколения создают себе репутацию, не просто воспроизводя приобретенный культурный капитал, но разрабатывая его в новых направлениях. Но даже если согласиться с тем, что эти интеллектуальные ресурсы действительно важны, то следует спросить: почему же их так часто получают именно посредством личных контактов, а не более дистанцированным способом — через книги? <...>

В принципе уже вскоре после появления первых интеллектуальных сетей можно было усвоить важные философские доктрины без личного контакта с автором. Личная близость давала, конечно, некоторое преимущество во времена неповоротливых и медленных способов книгоиздания. Но поражает тот факт, что при взгляде на всю толщу известной нам истории структура личных связей не меняется в сколько-нибудь значительной степени с самого раннего до самого последнего времени.

Личные цепочки присутствуют в поздние периоды греко-римской античности, так же как и в ранние. Сеть Ван Янмина около 1500 г. н. э., когда книгоиздание было уже достаточно распространено, очень мало отличается от сети Мэн-цзы за 1800 лет до этого. Решающий довод состоит в том, что в европейской философии как Нового времени, так и в современной, включая весь XX век, наблюдаются одни те же типы сетей. Мы еще видим цепочки от Brentano к Гадамеру, Маркузе и Арндт, от Фреге к Витгенштейну и Куайну, группы в Вене, Париже и других местах [12]. Я бы осмелился предсказать, что значимость личных связей не снизится и в будущем, независимо от того, какая схема новых коммуникационных технологий будет изобретена. Электронная почта или любая другая форма общения, которые открывают дисперсную и рассредоточенную структуру коммуникаций, не заменят фокусированные цепочки, образующие ядро интеллектуальной жизни.

Что же передается в таком случае через эти цепочки личных связей? Без сомнения, интеллектуальный капитал. Причина, по которой книги не так ценны, как личные контакты, заключается в том, что одна лишь восприимчивость к идеям своего времени недостаточна для первоклассной интеллектуальной работы. Личный контакт с ведущим практиком-исследователем дает прежде всего возможность сфокусировать внимание на тех аспектах большого массива идей, которые составляют аналитическое острие. Конечно, творчески активные интеллектуалы каждого нового поколения отталки-

ваются от этой точки и движутся в новых направлениях. При этом личный контакт с лидерами предшествующего поколения также может помочь — пусть не столько по существу дела, сколько в самом стиле работы: ведь в нем происходит передача эмоциональной энергии и ролевой модели, показывающей, как выйти на высший уровень интеллектуального труда.

Эмоциональная энергия увеличивается до высокого уровня в интерактивных ритуалах повседневной жизни благодаря предельно сфокусированным групповым взаимодействиям. Опыт наблюдения за знаменитым учителем, окруженным учениками, оказывает весьма сильное мотивирующее воздействие, даже несмотря на то, что (по причинам, о которых мы еще упомянем) лишь немногие ученики добиваются больших успехов. Тот же опыт имеет место и в горизонтальных групповых контактах. Группа, подобная «Семи мудрецам в бамбуковой роще», стимулирует творческое вдохновение одновременно у всех своих членов; ясно, что друг без друга они не поднялись бы до таких высот в полете фантазии и борьбе с предрассудками.

Контакты с оппонентами производят такой же, если не более сильный, эффект эмоционального побуждения к творчеству, как и контакты с единомышленниками. Вот почему кажется, что интеллектуалов как бы «тянет» к своим оппонентам. Они, словно магниты, выискивают друг друга и притягиваются противоположными полюсами.

Ядро интеллектуального мира имеет структуру противоборствующих групп, сплетающихся в конфликтное сверхсообщество. Те горизонтальные связи, что перекрещиваются в Афинах во времена Сократа и его последователей, формировали такую же по типу структуру, которая стимулировала вдохновение философов Академии Чжу Си и ее соперников в период Воюющих Царств, среди буддийских фракций в раннюю эпоху Тан и среди множества школ в период династии Сун — тех, кто потом превратился в неоконфуцианцев.

Интеллектуалы воодушевляются потоком идей, перспективами их развития, борьбой с противниками — и так всегда, даже если они обращаются к прошлому с целью реконструкции какого-нибудь древнего или вечного идеала. Ритуальная плотность взаимодействий интеллектуалов умножает их энергию, тем более когда сходятся, чтобы усладить публику столкновением своих аур, знаменитости — соперничающие сакральные субъекты, воплощенные в реальные личности.

Эта энергия направляется по особым каналам. В каждый данный период на интеллектуальной ниве реализуются лишь немногие возможности. Чтобы знать о них, чтобы чувствовать, какой именно путь открывается, надо быть в гуще событий, и прежде всего — в контакте со своими соперниками.

Так, именитые интеллектуалы, встречаясь, не обязательно передают друг другу какой-то интеллектуальный капитал. Возможно, они не узнают друг от друга вообще ничего существенного. Тот факт, что соперничавшие неоконфуцианцы Чжу Си и Лу Цзююань встречались и спорили, наверное, ничего не добавлял к идейному репертуару каждого. Но сама ситуация, которая свела их вместе, должно быть, предполагала устойчивое осознание расщепленности интеллектуальной сферы, а это само по себе вдохновляло и Чжу и Лу отстаивать свои позиции, развертывая их в соперничающие сверхсистемы.

Структурное давление

На уровне потока идей и эмоций существует несоответствие между причинами и следствиями. Конечно, контакт с выдающимися предшественниками или ровесниками значим для творчества, как и жизнь в период структурного соперничества. И все же индивидов, испытавших на себе влияние этих условий, гораздо больше, чем вновь появившихся интеллектуальных «звезд». У Конфуция, согласно преданию, было 1000 учеников, Теофрасту приписывалось (возможно, с большей точностью и меньшей риторичностью) 2000 учеников [DSB, 1981, 13, p.328]. Из них на моих схемах представлены лишь 11 учеников Конфуция (один на границе между третьестепенным и второстепенным рангами, остальные — третьестепенные или еще более низкого ранга) и 4 ученика Теофраста (из них один первостепенный и один второстепенный). Мы знаем имена некоторых из соотечественников Цицерона, учившихся у той же плеяды философов в Афинах и на Родосе [Rawson, 1985, p. 6-13], но только Цицерон сумел использовать воспринятые интеллектуальные и эмоциональные ресурсы, чтобы стать философской знаменитостью. Итак, можно с уверенностью сказать: у каждого выдающегося философа, способного передать значительный культурный капитал и эмоциональную энергию, было гораздо больше учеников, имевших возможность «реинвестировать» эти ресурсы, чем тех учеников, которые это действительно сделали.

Означает ли это, что наша социологическая модель неизбежно несовершенна и нуждается в дополнении психологическими, индивидуальными либо другими идеосинкразическими обстоятельствами? Кажется, было бы разумно это признать. Но такой тип различения основывался бы на недоразумении. Индивиды не отделены от общества, как если бы они были тем, что они есть, вне своего постоянного взаимодействия с другими индивидами. Можно более детально рассмотреть вопрос, какой именно социальный опыт, какие цепочки интерактивных ритуалов создали сами индивидуальности этих людей. Своеобразие индивида определяет своеобразие его социального пути [13].

Но давайте на время отложим этот вопрос. Главная теоретическая проблема заключается не в том, что сказанное мной слишком социологично, но в том, что оно как раз недостаточно социологично: в нем упущен ключевой факт, касающийся структуры интеллектуальных сетей. Дело в том, что структура интеллектуального мира в каждый период времени позволяет привлечь к себе большое внимание лишь ограниченному числу индивидов. Число ячеек, которые могут быть заполнены, мало и, как только эти ячейки заполняются, каждый, кто стремится «пробиться» к высшим позициям, сталкивается с мощным противодействием.

Кроме необходимых преимуществ первоочередного получения наиболее релевантного культурного капитала, требуется быть в ситуациях, повышающих эмоциональную энергию для творческого рывка, быть осведомленным об открывающихся структурных возможностях — но во всем этом также надо быть первым. Нужно быть впереди, иначе структурные возможности, на которые рассчитывает индивид, закроются. Благоприятные условия и воодушевление — как объективные, так и субъективные — приходят к тем и сосредотачиваются у тех немногих личностей, кто получает преимущество

на старте борьбы за структурные каналы. Но они не приходят к остальным — тем, кто отставал в самом начале, может быть, не так заметно. Именно ощущение этих действующих в интеллектуальном мире сил заставляет некоторых выйти из борьбы, расстаться с мечтами о достижении высокой интеллектуальной значимости. Такие люди могут оставаться в интеллектуальном поле и выполнять вспомогательную роль комментатора или пересказчика других авторов, передавая чужие идеи провинциальной публике. Они могут уйти в политику или еще какую-нибудь сферу, где соревнование с другими интеллектуалами не такое жесткое, как на их собственной беговой дорожке — «ноздря в ноздю».

Творчество как бы выдавливается из структуры через малые отверстия. Но эти отверстия всегда такого размера, что в каждый период времени позволяют пройти лишь нескольким мыслителям. Творческие прорывы происходят, по видимому, по нескольким направлениям одновременно. Мы видим, что этот паттерн со всей очевидностью проявляется на сетевых схемах...

В Китае первостепенные фигуры обычно состязаются с первостепенными соперниками своего же поколения: Мэн-цзы, Чжуан-цзы и Хуэй Ши; Гунсунь Лун, отчасти соглашаясь (и споря) с Цзоу Янем, а тот, в свою очередь, — с Сюнь-цзы; буддистские «звезды» Фацзан и Хуэйшэн; творческие поколения неоконфуцианства, вначале с Чжан Цзаем, Шао Яном и Чжоу Дуньши, а затем с Чжу Си и Лу Цзююанем. Второстепенные фигуры также появляются в одно время сразу группами или кластерами. Некоторые философы состязаются с другими, имеющими несколько меньший ранг, но тех, кто полностью изолирован от значимого соревнования, очень мало.

Тот же самый феномен наблюдается и у греков. Ключевые фигуры приходят на сцену как соперники внутри одного поколения: Парменид и Гераклит; «звезды» движения софистов вместе с Сократом и Демокритом; Аристотель и Диоген Киник; Эпикур и Зенон Стоик, которые основывают свои соперничающие школы в Афинах с промежутком лишь в несколько лет. Если наряду со «звездами» включить в рассмотрение и второстепенные фигуры, то паттерн одновременно возникающего творчества проявляется с ошеломляющей очевидностью [14].

Структура творчества, выражающегося одновременно в противоположных позициях, выводит нас на закон малых чисел³, делая также более понятной ту борьбу, что разделяет пространство интеллектуального внимания. В предельно сфокусированных сетях соперничества оказываются не только греческие и китайские, но также индийские, японские, исламские, средневековые еврейские и христианские, современные европейские философы. Отметим здесь лишь тот общий момент, что структурное давление (structural

³ «Число активных школ мысли, которые воспроизводятся в дискурсивном обществе на протяжении более чем одного или двух поколений, обычно колеблется в диапазоне от трех до шести. Есть нижний предел их числа, и он строго определен: в отсутствии соперничающих позиций творчество едва ли может появиться, поэтому в любой творческий период почти всегда существуют, по меньшей мере, три таких позиции. Есть и верхний предел: если где-то существует более четырех или шести отчетливо сформулированных позиций, то большинство из них не передается последующим поколениям» (гл. 3). — Прим. пер.

сгunch) — это общий паттерн как сетевой плотности, так и творчества, движимого конфликтом. Прославленные имена, равно как и «полузнаменитости», задерживающие на себе внимание не так долго, — это личности, находящиеся как раз в тех точках, где сети возгоняют эмоциональную энергию до высочайшего уровня. Творчество является как бы «трением» в пространстве внимания, причем в те моменты, когда структурные блоки трутся друг о друга с максимальным сопротивлением. Наиболее влиятельные идейные новшества рождаются в моменты высочайшей вертикальной и горизонтальной плотности сетей, когда цепочки творческих конфликтов выстраиваются над непрерывной цепью поколений.

Структурные условия, которые делают это возможным, являются предметом последующих глав. Приведу лишь один факт из обзора всех сетей мировой философии. Общее число тех, кто добился выдающихся достижений в философии, — приблизительно от 135 до 500 человек. Меньшее из этих чисел относится только к первостепенным фигурам в каждой цивилизации, среднее — ко второстепенным, большее — к сумме тех и других [15]. Распределение философов по всем сетям показано в таблице 2.1.

Даже если мы добавим сюда третьестепенные фигуры из всех сетей, то их общее число все равно составит лишь 2700 человек — тончайший слой мирового населения на протяжении соответствующих поколений (между 600 г. до н. э. и 1900 г. н. э. жило порядка 23 миллиардов человек⁴). Стратификация интеллектуального мира долговременной славы намного контрастней, чем политико-экономическая структура обществ, даже в те времена, когда правящие аристократии составляли менее 5% населения. Известно также, что до 1600 г. н. э. знание было относительно менее дифференцированным. После этой даты или позднее естественнонаучные и гуманитарные дисциплины начали выходить из философских сетей, а между тем они включали многих из наиболее знаменитых основателей этих дисциплин. Таким образом, общее число философов колеблется от 150 до чуть менее 3000 человек, что учитывает фактически все интеллектуальные достижения в «теоретических» областях знания до недавнего времени, за исключением литературы, музыки и изящных искусств, у которых сложились свои собственные сети.

Ядро интеллектуальных сетей, которое привлекало к себе наибольшее внимание в течение всех поколений документированной истории, — а общее число составляющих его философов колеблется от 100 до 500 либо до 2700 имен, — занимало привилегированные позиции по сравнению со всеми остальными философами, не попавшими в центр внимания. Говорить об этой совокупности как о маленькой компании гениев — значит совсем не понимать социологический аспект. Сюжет интеллектуальной истории пишут именно сети; структура же сетевой конкуренции за пространство внимания, определяющая креативность, сфокусирована таким образом, что выдающиеся идеи формулируются устно с помощью речевого аппарата и письменно с помощью пальцев немногих индивидов. Сказать, что круг творческих интеллектуалов узок, — все равно что сказать: интеллектуальные сети сфокусированы на вершинах немногих пирамид. Борьба человеческих существ за более

⁴ Вычислено на материале [McEvedy and Jones, 1978, p. 342–354].

высокое место в такой пирамиде, а также условия, делающие эти вершины немногочисленными, но взаимосвязанными, образуют саму субстанцию социологии философий и социологии интеллектуальной жизни вообще.

Таблица 2.1

Распределение философов для всех сетей

Цивилизация	Поколения	Первостепенные	Второстепенные	Общее число значимых (колонки 3+4)	Третьестепенные	Всего
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Китай (535 г. до н. э. – 1565 г. н. э.)	63	25	61	86	356	440
Греция (600 г. до н. э. – 600 г. н. э.)	36	28	68	96	237	330
Индия (800 г. до н. э. – 1800 г. н. э.)	78	22	53	75	272	350
Япония (600–1935 гг. н. э.)	40	20	36	56	157	210
Ислам/иудаизм (700–1600 гг. н. э.)	27	11	41	52	420	470
Христианство (1000–1600 гг. н. э.)	18	11	46	57	360	420
Европа (1600–1900 гг. н. э.)	9	19	61	80	350	430
Всего	271	136	366	502	2152	2670

В этой борьбе почти все мы обречены на поражение — вывод, который наносит удар по нашему интеллектуальному самомнению и развеивает мечту о славе, в том числе, если угодно, и о посмертной славе как символической награде за интеллектуальный труд. Дело в том, что в каждый период времени в пространстве внимания есть место лишь для очень малого числа тех, кто получает во время своей жизни признание в качестве первоклассных философов. А со сменой поколений число творческих интеллектуалов, оказывающих долговременное влияние, становится меньше, поскольку о них меньше помнят, что, однако, создает им вторичную репутацию, которая лишь единич делает мыслителями первостепенной значимости. Судьба почти всех интеллектуалов — быть рано или поздно забытыми. Что же касается большинства из нас, то о нас забудут скорее рано, чем поздно.

Вместо того, чтобы, осознав этот факт, впасть в депрессию, можно посмотреть на него совершенно в ином свете. Все мы, от «звезд» до сторонних наблюдателей, — часть одного и того же силового поля. Соединяющая нас

сеть формирует и распределяет наши идеи и энергию. Мы сделаны из того же теста, что и Кант, Витгенштейн, Платон. Если мы — социологи, то наши умы буквально пронизывают идеи Вебера и Мида, подобно тому, как идеи Дильтея и Риккерта, Вундта и Джемса пронизывали их умы. Если мы — математики, то мы не можем мыслить, не мысля тех частей сети, пусть отдаленных, над которыми размышляли Пифагор или Ньютон. Они, как и мы, сформировались в противостоянии и напряжении между различными частями сети, которые порождали интеллектуальные проблемы, а стало быть, и вопросы, над которыми мы размышляем сегодня. То же самое можно сказать и о наших современниках, — друзьях и соперниках, а также о тех, кто придет после нас. «Звезд» немного, потому что фокус внимания в интеллектуальной сети — лишь малая часть целого. Личности в сетевых центрах, которые попадают в фокус всеобщего внимания, изначально ничем от нас не отличаются. У всех нас один и тот же состав, те же самые ингредиенты. Мы сами делаем друг из друга то, что мы есть.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Источники для китайских ранжировок: [Fung, 1952–53; Needham, 1956; Chan, 1963; Ch'en, 1964; Schwartz, 1985; Kuo, 1986; CHC, 1979, 1986; Dumoulin, 1988; Graham, 1989].

Источники для греческих ранжировок: [DL, 1925 (первое издание ок. 200 г. н.э.); Sextus Empiricus, 1949 (первое издание ок. 200 г. н.э.); Suidae Lexicon, 1937 (первое издание ок. 950 г. н.э.); Zeller, 1919; Guthrie, 1961–1982; EP, 1967; CHLG, 1967; Rist, 1969; Dillon, 1977; Kirk and Raven, 1983; Long, 1986; Reale, 1985, 1987, 1990].

Дополнительная информация о сетевых связях среди китайских философов: [Ariel, 1989; Chang, 1957–1962; Cleary, 1983; Gernet, 1982; Graham, 1958, 1978; Knoblock, 1988; Kodera, 1980; Liu, 1967; McMullen, 1988; McRae, 1986; Odin, 1982; Pulleybank, 1960; Smith et al., 1990; Takakusu, 1956/1973; Welch, 1965; Welch and Seidel, 1979].

Дополнительная информация о сетевых связях среди греческих философов: [CHLG; DSB; OCCL; Frede, 1987; Hadas, 1950, 1952, 1954; Jonas, 1963; Tarrant, 1985; Rawson, 1985].

2. Я исхожу из того, что в течение века активны три поколения, что соответствует типичной длительности творческой зрелости индивида во время его жизни. Таким образом, время жизни каждого индивида обычно перекрывает время жизни творческих поколений, непосредственно предшествующих и последующих: до 33-х лет или около того, это роль ученика или протеже по отношению к старшим; после этого, это уже роль наставника или препятствия для младших. В подкрепление моему использованию 33-х лет в качестве поколения, схемы следования буддийских интеллектуальных родословных демонстрируют почти точное соответствие формуле трех поколений в течение века. См. [Kodera, 1980, p.98], где дается 39 поколений в течение 1300 лет; а также линии преемственности школы Чань в работе [Dumoulin, 1988, 328–335].

3. Первоначальные рейтинги относительно в контексте любой данной истории: в охватывающих компендиумах речь идет о множестве индивидуальных мыслителей; в специализированных историях определенных эпох или школ мысли предлагаются сравнения только в рамках соответствующего кругозора; большие монографии позволяют уделять много места отдельным философам. Используемые здесь источники включают как древние, так и современные. Конечно, есть различия: Секст Эмпирик, Диоген Лаэртский (оба ок. 200 г. н.э.) и Suidas (ок. 950 г. н.э.) имеют несколько отличные от наших приоритеты. Диоген Лаэртский уделяет 75 страниц Эпи-

куру и 71 — Зенону из Китиона, но лишь 49 — Платону. Аристотель третируется как явно второстепенная фигура и получает 19 страниц — столько же, сколько Аристипп и меньше, чем 22 страницы для Пиррона [Greek text, 1925, Loeb edition]. Относительно скромная оценка Диогеном Платона относилась к позиции меньшинства в то время, а предпочтение Диогеном эпикурейства было чем-то вроде последнего вздоха этой философии. *Suidas* (Византия) показывает фактическое отсутствие интереса к латинским авторам и даже не упоминает Лукреция, Сенеку или Августина. Этот источник также демонстрирует небольшой интерес к христианскими еретическим философам, игнорирует большинство средних платоников и очень неравномерно касается досократиков, давая лишь одну ссылку на Гераклита в сравнении с 32 на Аристотеля и 75 на Платона. Среди неоплатоников Плотин получает удивительно малое число — 3 ссылки, Порфирий — 13, Прокл — 26. Диоген Лаэртский, пишущий примерно 15 поколениями позже классического века греческих философов, был, разумеется, не более их современником, чем являемся мы, а *Suidas* относится ко времени еще на 20 поколений позже. Мой метод усредняет репутации из нескольких периодов при использовании доброжелательных порогов, так что персоны с первостепенными (major) репутациями в течение длительных периодов времени считаются по крайней мере второстепенными (secondary) в общей схеме.

4. Сравните с фигурами, которым Сорокин уделяет больше всего внимания в книге «Современные социологические теории» [Sorokin, 1928], начиная с высшей позиции в ранговом порядке: Ле Пле, Хантингтон, Парето, Маркс, Дюркгейм, Кост, Энгельс, Де Роберти и Лапуж. Вебер находится в группе второстепенных фигур вместе с Виньярским, Хобхаузом, Гумпловичем, Аммоном и Гобино. Члены нашего сегодняшнего социологического пантеона Зиммель, Тауни, Конт, Кули и Томас третируются как третьестепенные фигуры; Джордж Герберт Мид вообще не упоминается.

5. Периферия — это мир самоучек и родной дом мифа о посмертной славе. Кажется бы, можно надеяться найти здесь «тайное творчество», не испорченное конформизмом по отношению к модам центра, но действительность противоречит этой благой надежде. Периферийные интеллектуалы способны на то, чтобы комбинировать идеи иначе, нежели интеллектуалы подвижного центра, но они также зависят от переданного из прошлого культурного капитала, воспринимая его только с большим временным лагом. Я вспоминаю одного студента. Он был старше других и возобновил обучение по собственной воле. Как-то после лекции по социологии он зашел ко мне в сильном возбуждении и заявил о своем открытии: социальное изменение происходит не по прямой эволюционной линии и не по кругу, но по спирали. У меня не хватило духу сказать ему, что он размышляет над идеями Вико и Кондорсе, открытиями больше чем с полдюжины поколений назад.

6. Там, где формальные школы включают вероятные связи между известными индивидами через неизвестных посредников (помеченных буквой «х»), эти связи обозначены пунктирными линиями. Последние используются также для обозначения связей, которые вероятны, но не очевидны. В некоторых случаях такие связи формальных школ проходят через фигуры, обозначенные буквой «i» (incidental): их имена известны случайно, скорее благодаря их связи с каким-то более выдающимся философом, чем благодаря их собственному вкладу (например, линии братьев Чэн). <...>

7. Во избежание недоразумения следует подчеркнуть, что именно демонстрирует сетевая схема. Социальное окружение каждого философа в действительности гораздо шире по сравнению с указанными на схеме связями, так как оно включает многих, кто не является интеллектуалами, а также некоторых, кто ими является. Сетевая схема представляет как раз связи между теми философами, которые достигли по меньшей мере минимальной степени значимости в памяти поколений.

8. Случайные фигуры исключены из расчетов непосредственных связей, поскольку они упоминаются скорее благодаря своим контактам с какой-то более знаменитой фигурой, чем благодаря собственным заслугам. Однако они включены в по-

следующие расчеты, где они выступают в роли посредников в связях с более отдаленными философами более высокого ранга.

9. Давайте еще раз внимем в субстанциональный аспект моей методологии. Если бы мы могли добавлять звенья к цепочке связей до бесконечности и включать в нее любых лиц, невзирая на то, какой длины будет цепочка в конечной связи с кем-то из выдающихся философов, то мы, без сомнения, соединили бы каждого с каждым во всей мировой истории. Исследования «малого мира» социальных сетей в 1960-х гг. [Travers and Milgram, 1969] показали, например, что многие американцы могут быть связаны с незнакомой им персоной высокого статуса через шесть звеньев или около того. Во избежание такой возможности «случайные» фигуры (обозначенные буквой «i») появляются у меня в сетях только в одношаговых связях между членами хорошо известного интеллектуального сообщества. Более того, из экспериментальных исследований передачи сообщений известно, что коммуникации имеют тенденцию искажаться после нескольких звеньев цепочки. В случае наших интеллектуальных цепей это означает, что двушаговые связи могут обеспечивать культурный капитал, равно как и эмоциональную энергию, а четырехшаговые связи важны в основном из-за структурных эффектов принадлежности к плотной творческой цепочке или сообществу; они могут оформлять творческую энергию, но не передают по сути дела культурный капитал.

10. На нашей схеме первостепенные и третьестепенные фигуры могли быть расположены так, что между ними не было бы никакой связи. Разумеется, это не означало бы, что между ними не было никаких социальных контактов. Это означало бы только то, что их непосредственные круги общения, учителя и ученики, являются слишком незначительными, чтобы быть представленными на этой схеме. Такие изолированные интеллектуалы или изоляты, действительно появляющиеся на сетевых схемах, перечислены в Приложении 1.

11. См. случаи, указанные в прим. 7 к главе 1; или раздел «Каскад творческих кружков» в главе 10. В европейской философии (о представителях которой мы полагаем самым богатым биографическим материалом) относительно немногих связей, которые состоят лишь в «клубном объединении» знаменитостей. Например, Юм привез Руссо в Англию в 1766 г., когда периоды их творчества уже подходили к концу. Но до этого и у Юма, и у Руссо были другие важные сетевые связи. В тех случаях, когда контакты ограничивались лишь принадлежностью к «клубу знаменитостей», я не включал соответствующие связи в сетевые схемы.

12. Преобладание личных связей между творческими интеллектуалами засвидетельствовано во многих других современных областях, помимо философии [Griffith and Mullins, 1972; Crane, 1972]. Например, Цукерман [Zuckerman, 1967] показала, что ученые, ставшие нобелевскими лауреатами, с наибольшей вероятностью обучались ранее в лабораториях бывших лауреатов Нобелевской премии.

13. Далее я буду пристально всматриваться в биографии некоторых из тех философов, о которых нам многое известно, чтобы показать, как именно их жизненные пути, проходящие через микросоциальные сети, формировали их личности (см. например, о Пирсе в главе 12, о Витгенштейне в главе 13, о Сартре в главе 14). Осмелюсь заявить, что, по крайней мере, двое из трех указанных мной философов могли бы подтвердить обоснованность такого вывода.

14. Детальный анализ, посвященный явным исключениям из этого общего правила, дан в Приложении 1.

15. Эти цифры вряд ли могут быть обоснованы с полной строгостью. По причинам, обсуждаемым в главе 12, наша способность судить о долговременных репутациях интеллектуалов становится тем менее надежной, чем ближе мы подходим к нашему собственному поколению. Так что итоговые цифры после 1835 г., вероятно, завышены, а после 1900 г., по всей видимости, не являются реалистичными. В японской сети, с одной стороны, может быть завышенным число второстепенных фигур,

включая тех, кто стал известен лишь в историях дзэн-буддизма; с другой стороны, общее число третьестепенных фигур могло бы быть увеличено благодаря включению дополнительных буддийских источников. Число выдающихся мыслителей в Индии, без сомнения, занижено, если учесть большой объем творчества до 400 г. н. э., которое принимало форму анонимных и подписанных псевдонимами религиозных текстов. В целом, информация, на которой базируется индийская сеть, более рассеянная, а датировки — более условные, чем в сетях других частей света. Итоговое число для всего мира также неполно, поскольку отсечено несколько сетей, что отчасти оправдано меньшим влиянием философов последних веков. Например, китайскую сеть я довел только до 1565 г. н. э. На мой взгляд, наиболее важные пробелы остаются в сетях буддийских философов Тибета и Кореи (хотя некоторые из основателей тибетских линий преемственности обнаруживаются в индийской сети).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ariel, Yoav. *K'ung-Ts'ung-Tzu: The K'ung Family Masters' Anthology*. Princeton: Princeton University Press. 1989.
2. Chan, Wing-Tsit. *A Sourcebook In: Chinese Philosophy*. Princeton: Princeton University Press. 1963.
3. Chang, Carsun. *The Development of Neo-Confucian Thought*. New York: Bookman Associates. 1957-1962.
4. CHC, 1986 *The Cambridge History of China*. Part I. Cambridge: Cambridge University Press. 1979-1988. Vol. 3. *Sui and T'ang China*. 581-906.
5. Ch'en, Kenneth. *Buddhism in China*. Princeton: Princeton University Press. 1964.
6. CHLG — *Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. 1967.
7. Cleary, Thomas. *Entry into the Inconceivable: An Introduction to Hua-yen Buddhism*. Honolulu: University of Hawaii Press. 1983.
8. Crane, Diana. *Invisible Colleges: Diffusion of Knowledge in Scientific Communities*. Chicago: University of Chicago Press. 1972.
9. Dillon, John. *The Middle Platonists*. London: Duckworth. 1977.
10. DL - Diogenes Laertius. *Lives of Eminent Philosophers*. 2 volumes. Loeb Classical Library. London: Heinemann. 1925 [orig. ca. 200 C.E.].
11. *DSB - Dictionary of Scientific Biography*. 16 volumes. New York: Scribner's. 1981.
12. Dumoulin, Heinrich. *Zen Buddhism: A History*. Vol. 1. *India and China*. New York: Macmillan. 1988.
13. *EP — The Encyclopedia of Philosophy*. 8 volumes. New York: Macmillan. 1967.
14. Frede, Michael. *Essays in Ancient Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. 1987.
15. Fung Yu-lan. *A History of Chinese Philosophy*. 2 volumes. Princeton: Princeton University Press. 1952-53.
16. Gernet, Jacques. *A History of Chinese Civilization*. Cambridge: Cambridge University Press. 1982.
17. Graham, A. C. *Disputers of the Tao: Philosophical Argument in Ancient China*. La Salle, Ill.: Open Court. 1989.
18. Idem. *Later Mohist Logic, Ethics, and Science*. Hong Kong: Chinese University Press. 1978.
19. Idem. *Two Chinese Philosophers: Ch'eng Ming-tao and Ch'eng Yi-Ch'uan*. London: Lund Humphries. 1958.
20. Grayeff, Felix. *Aristotle and His School*. New York: Harper and Row. 1974.
21. Griffith, Belver C., and Nicholas C. Mullins. Coherent Groups in Scientific Change // *Science* 1972, vol. 177. P. 959-964.
22. Guthrie, W. K. C. *A History of Greek Philosophy*. 6 volumes. Cambridge: Cambridge University Press. 1961-1982.

23. Hadas, Moses. *A History of Creek Literature*. New York: Columbia University Press. 1950.
24. Hadas, Moses. *A History of Latin Literature*. New York: Columbia University Press. 1952.
25. Hadas, Moses. *Ancilla to Classical Reading*. New York: Columbia University Press. 1954.
26. Havelock, Eric A. *The Literate Revolution in Greece and Its Cultural Consequences*. Princeton: Princeton University Press. 1982.
27. Jonas, Hans. *The Gnostic Religion*. Boston: Beacon Press. 1963.
28. Jones, A. H. M. *The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. Baltimore: Johns Hopkins University Press., [1964] 1986.
29. Kirk, G. S., J. E. Raven, and M. Schofield. *The Presocratic Philosophers*. 2d edition. Cambridge: Cambridge University Press. 1983.
30. Knoblock, John. *Xunzi: A Translation and Study of the Complete Works*. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press. 1988
31. Kodera, Takashi James. *Dogen's Formative Years in China*. Boulder Great Eastern Book Company. 1980.
32. Kodera, Takashi James. *Dogen's Formative Years in China*. Boulder Great Eastern Book Company. 1980.
33. Kuo, You-Yuh. The Growth and Decline of Chinese Philosophical Genius // *Chinese Journal of Philosophy* 1986, vol.28. P. 81-91.
34. Idem. The Social Psychology of Chinese Philosophical Creativity: A Critical Synthesis. *Social Epistemology* 2:283-296. 1988.
35. Long, A. A. *Hellenistic Philosophy*. Berkeley: University of California Press. 1986.
36. Lui, James T. C. *Ou-yang Hsiu: An Eleventh-Century Neo-Confucianist*. Stanford: Stanford University Press. 1967.
37. Mann, Michael. 1986. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. New York: Cambridge University Press.
38. Maslow, Abraham H. *Motivation and Personality*. New York: Harper and Row. 1970.
39. McEvedy, Colin, and Richard Jones. *Atlas of World Population History* Baltimore: Penguin Books. 1978.
40. McMullen David. *State and Scholars in T'ang China*. Cambridge: Cambridge University Press. 1988.
41. McRae, John R. *The Northern School and the Formation of Early Ch'an Buddhism*. Honolulu: University of Hawaii Press. 1986.
42. Needham, Joseph. *Science and Civilization in China*. Vol. 2. *History of Scientific Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. 1956.
43. OCCL = *The Oxford Companion to Classical Literature*. Compiled by Paul Harvey. Oxford: Oxford University Press. 1937.
44. Odin, Steve. *Process Metaphysics and Hua-yen Buddhism*. Albany: SUNY Press. 1982.
45. Price, Derek J. de Solla. *Science since Babylon*. New Haven: Yale University Press. 1975.
46. Price, Derek J. *Little Science, Big Science, and Beyond*. New York: Columbia University Press. 1986.
47. Pulleybank, Edwin G. Neo-Confucianism and Neo-Legalism in T'ang Intellectual Life, 755-805. In: *The Confucian Persuasion*, ed. Arthur R Wright. Stanford: Stanford University Press. 1960.
48. Rawson, Elizabeth. *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London: Duckworth. 1985.
49. Reale, Giovanni. *A History of Ancient Philosophy* Vol. 4. *The Schools of the Imperial Age*. Albany: SUNY Press. 1990.
50. Reale, Giovanni. *A History of Ancient Philosophy*. Vol. 1. *From the Origins to Socrates*. Albany: SUNY Press. 1987.

51. Reale, Giovanni. *A History of Ancient Philosophy*. Vol. 3. *The Systems of the Hellenistic Age*. Albany: SUNY Press. 1985.
52. Rist, J. M. *Stoic Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. 1969.
53. Scharfstein, Ben-Ami. *The Philosophers: Their Lives and the Nature of Their Thought*. New York: Oxford University Press. 1980.
54. Schwartz, Benjamin I. *The World of Thought in Ancient China*. Cambridge, Mass.: Belknap Press. 1985.
55. Sextus Empiricus *Against the Professors and Against the Dogmatists*. Loeb Classical Library. London: Heinemann. 1949 [(orig. ca. 200 C.E.)].
56. Simonton *Scientific Genius: A Psychology of Science*. Cambridge: Cambridge University Press. 1988.
57. Simonton, Dean Keith. The Sociopolitical Context of Philosophical Beliefs: A Transhistorical Causal Analysis. *Social Forces*. 54:513-523. 1976.
58. Smith, Kidder, Jr., Peter K. Bol, Joseph A. Adler. and Don J. Wyatt. *Sung Dynasty Uses of the I Ching*. Princeton: Princeton University Press, 1990
59. *Suidae Lexicon*. Ed. Ada Adler. Leipzig: B. G. Teubner. 1937 [orig. ca. 950 C.E.].
60. Sulloway, Frank J. *Born to Rebel: Family Dynamics and Creative Lives*. New York: Pantheon. 1996.
61. Takakusu, Junjiro. *The Essentials of Buddhist Philosophy*. Westport, Conn.: Greenwood Press. [1956] 1973.
62. Tarrant, Harold. *Skepticism or Platoism? The Philosophy of the Fourth Academy*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985.
63. Travers, Jeffrey, and Stanley Milgram. An Experimental Study of the Small World Problem // *Sociometry*. 1969. Vol. 32. P. 425-443.
64. Welch, Holmes. *Taoism: The Parting of the Way*. Boston: Beacon Press. 1965.
65. Welch, Holmes, and Anna Seidel (eds.). *Facets of Taoism: Essays in Chinese Religion*. New Haven: Yale University Press. 1979.
66. Zeller, Eduard. *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen entwicklung*. 5th edition, revised by Wilhelm Nestle. Leipzig: O. R. Reisland. 1919.
67. Zuckerman, Harriet. Nobel Laureates in Science: Patterns of Productivity, Collaboration, and Authorship // *American Sociological Review* 1967. Vol. 32. P. 391-403.